

Глава 1

Не думала, что переживу этот день.

Но, по счастью, он уже почти закончился для ее друзей, мужа, для множества собравшихся тут людей, которых я никогда раньше не видела. Нас очень много — тех, кто пришел проститься с Беатрис и стоит теперь у ее разверстой могилы, под небом таким ярким, что глазам больно.

Рядом, ожидая, когда его отправят к месту последнего пристанища, покоится гроб, и мне страшно. Мы вот-вот опустим Беатрис в эту черную яму, чтобы забросать сверху землей и грязью, развернуться и уйти. Разве потом, когда стемнеет и похолодает, ей не станет страшно? Разве она не возненавидит нас за то, что мы повернулись к ней спиной и оставили тут в одиночестве?

Священник говорит, что у Господа свои планы, в которые не посвящен никто из нас. Слова другие, но смысл именно такой. Похоже, Господь знает, как трудно нам приходится, когда человека, которого мы любим, вдруг отнимают у нас без предупреждения, в результате прозаического несчастного случая, но мы все равно должны доверяться Ему в Его мудрости. Не уверена, что

в этом есть смысл. Мне кажется, лучше бы донести до скорбящих, чтобы они были поосторожнее с лестницами, ведь иначе легко вот так упасть и свернуть себе шею.

Джим обнимает меня, сжимает плечо, и только тут я замечаю, что заливаюсь слезами. Поворачиваю голову посмотреть на него и краем глаза вижу чуть поодаль Джорджа. Он стоит возле гроба и смотрит вниз. Рядом с ним пожилая женщина, в которой я узнаю его мать; мы встречались всего один раз, но Маргарет Грин не из тех, кого легко забыть. Ее рука — под локтем сына, она будто поддерживает его. Думаю, она плачет, хотя отсюда не поймешь. Мне с трудом удастся подавить порыв отпихнуть ее в сторону, сказать, что ей нечего тут делать, что она никогда не любила Беатрис и Беатрис об этом знала. Впрочем, ясное дело, она пришла ради Джорджа.

А Джордж поднимает на меня взгляд, будто понимая, что я за ним наблюдаю. У него опухшие красные глаза, он явно плачет не меньше моего. Бедный Джордж, он будет так тосковать! Как он вообще справится без жены? Как сможет жить один в громадной квартире?

Похоже, священник завершил прощальную речь, потому что гроб уже опускается в яму. Я быстро нагибаюсь, хватаю горсть земли и бросаю в могилу. Не знаю толком, что я пытаюсь сказать Беатрис, — наверное, что люблю ее, что скучаю по ней и всегда буду скучать. Ах, Беатрис, зачем, ну зачем ты нас покинула?

Джим берет меня под локоть и мягко отводит в сторону. Я поднимаю глаза и вижу, что толпа движется — медленно, в унисон. Ночью мне приснился кошмар: там все эти люди похватали лопаты и стали закапывать могилу, а я осталась в ней, внизу, на дне. Я кричала и просила их остановиться, но никто меня не слышал. Я проснулась, потому что стала задыхаться. Но, похоже, заключительную часть с закупориванием могилы мне не увидеть, и это к лучшему, потому что, похоже, я просто не смогу такое вынести.

Джордж подходит, заключает меня в объятия, и мы начинаем рыдать, чуть ли не падая друг на друга.

— Мне так жаль, — повторяю я снова и снова.

Спустя долгое время он отпускает меня и просто кивает — ни на что другое у него нет сил. Я смотрю, как Джорджа ведут к машине, смотрю на его поникшие под грузом скорби плечи.

Когда мы добираемся до нашего автомобиля, вокруг толпится народ.

— Такая жалость, — бормочут люди, — вы ведь были очень близки. Должно быть, вам ужасно тяжело.

Меня обнимает Крейг. Милый Крейг, первый друг Беатрис, с которым я познакомилась.

— Ты как, держишься? — спрашивает он, пытаясь поймать мой взгляд. — Прости, дурацкий вопрос. — Он берет мою голову в ладони и говорит: — У тебя все на лице написано.

Страдание искажает мои черты.

— Я тебе потом позвоню, хорошо? — говорит Крейг.

Приходит моя очередь ответить кивком, потому что сил хватает лишь на это.

Джим ждет в машине, открыв для меня дверцу, и я уже собираюсь присоединиться к нему, когда чувствую, как на плечо ложится чья-то рука. Это Ханна, она шепчет мне в ухо:

— Мне так жаль! — а потом добавляет: — Мне очень нужно с тобой поговорить. Когда сможешь. — Она сжимает мне предплечье, вглядывается в лицо, склонив голову набок, и уходит.

Судя по ее словам, она хочет сказать мне что-то серьезное, что-то плохое. Что может быть хуже этого? Хотя, вероятно, дело просто в моей мнительности.

— Кто она такая? — спрашивает Джим.

— Ханна, агент Беатрис. Разве ты ее не помнишь?

— Смутно.

Все добры со мной и нежны, у всех в глазах печаль, они грустят и о себе, и, в особенности, обо мне, зная, что я потеряла свою лучшую подругу, свою наставницу — чудесную, благородную, талантливую женщину, которая взяла меня под крыло и изменила мою жизнь.

Моя дорогая Беатрис мертва, и я безутешна, уничтожена, разбита.

Что, вообще-то, довольно странно, учитывая, что именно я ее убила.

Глава 2

Следующие несколько дней я провожу в постели. Такое чувство, будто я никогда из нее не встану, просто не захочу встать. Я, конечно, понимала, что буду вне себя от горя, но ожидала, что к нему будет примешиваться щепотка облегчения. Ничего подобного. Каждую ночь мне снится, как я ее убиваю, — снится не само убийство как таковое, а осознание того, что я его совершила, и от этого меня потряхивает, ведь, без всяких сомнений, моя жизнь вскоре окончится. Меня в любую минуту могут разоблачить. Я жду стука в дверь, терзаемая всепоглощающим раскаянием. О, как мне хотелось бы повернуть время вспять! Как мне хотелось бы не совершать этого!

И каждое утро я просыпаюсь со стоном облегчения — такого глубокого, что глаза наполняются слезами. Слава богу, это только сон.

А потом я все вспоминаю, и это ужасно.

Наверняка всего лишь дело времени, когда меня задержат, и скоро в дверь действительно постучат. Убийц ведь ловят, верно? И я засыпаю снова, ведь что угодно лучше ожидания.

Джим очень добр и внимателен. Он думает, я горюю из-за смерти Беатрис. Он даже с работы отпросился, чтобы за мной присматривать, — вот до чего я плоха.

— Ты принимаешь все слишком близко к сердцу, Эм. Тебе, зайка, просто нужно отдохнуть, и станет полегче.

Он носит мне еду и чай, чашку за чашкой. И почти не разговаривает, просто сидит на кровати, терпеливо смотрит на меня, а его брови от переживаний сошлись в одну полоску. Но от смерти Беатрис ему должно бы стать легче. Теперь мы с ним снова будем только вдвоем, хоть он и никогда этого не скажет.

— Ты проснулась, Эм. — Это Джим принес кофе. Я слегка приподнимаюсь в постели. — Ну как ты?

— Вроде получше. — Кофе едва теплый. Интересно, сколько он простоял в чашке.

— Фрэнки звонил. Сказал, может отложить завтрашнее интервью, если ты не готова.

— Интервью? — Я пытаюсь собраться с мыслями, привести их в подобие порядка.

— Для «Открытой книги», зайка. По-прежнему хочешь его дать? Ты, вообще-то, не обязана.

— Оно же только в четверг. До четверга я наверняка оклемаюсь. — Я ставлю чашку на столик у кровати и сползаю обратно. Мне хочется лишь одного: поспать еще.

— Четверг уже завтра, Эм.

— Серьезно?

— Думаю, интервью надо отменить. Ты как, согласна?

Я вздрагиваю и снова сажусь как следует, будто меня подкинуло.

— Нет! Конечно же, мы не будем откладывать. Я пойду.

— Уверена?

— Я должна пойти. И хочу. Отзвонись им, милый, ладно? Скажи, что я буду.

Он смотрит на меня и с сомнением кивает.

— Хорошо, я с ними свяжусь.

— А я душ приму, — говорю я и встаю с кровати.

— Уверена, что справишься? — спрашивает Джим.

— Да, уверена. Я должна это сделать.

Понимаете, я попала в шорт-лист премии Пултона, одной из самых престижных, если не самой престижной литературной премии. Осмелюсь сказать, что сейчас я фаворитка, а «Открытая книга» — самая претенциозная и интеллектуальная литературная передача на телевидении. На данный момент это единственное, ради чего я готова встать с постели.

* * *

— Моя сегодняшняя гостья — Эмма Ферн, автор романа «Бегом по высокой траве», удивительного, увлекательного, смелого. Он как бы вне времени и все же говорит многое сердцам каждого